

Кентуки

Автор:

[Саманта Швеблин](#)

Кентуки

Саманта Швеблин

Кентуки (не путать с американским штатом Кентукки!) – новомодная игрушка, электронный «домашний питомец». На первый взгляд в этих игрушках нет ничего особенного – обычные плюшевые зверюшки (белки, кроты, кролики и т. д.). Правда, вместо глаз у них вставлены камеры, которые тщательно фиксируют все, что происходит в доме, куда попадают кентуки. К тому же каждый из них обладает своим непредсказуемым, а иногда и не всегда приятным характером, что сулит хозяевам много неожиданностей. Почему же весь мир словно помешался на этой забаве? Почему кентуки так прочно входят в жизнь не только детей, но и взрослых? И куда все-таки попадает то, что снято их глазами-камерами? На эти вопросы и не только на них отвечает в своем уже завоевавшем большую известность романе аргентинская писательница Саманта Швеблин (р. 1978), лауреат престижных литературных премий, чьи книги переведены на многие языки, а повесть «Дистанция спасения» вошла в шорт-лист Международной букеровской премии.

Саманта Швеблин

Кентуки

© 2018, Samanta Schweblin

© Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2020

© А. Ванинен, фотография на обложке

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО “Издательство Аст”, 2020

Издательство CORPUS ®

* * *

Перед запуском агрегата убедитесь в отсутствии людей в радиусе работы спецтехники.

Инструкция по технике безопасности при работе на экскаваторе-погрузчике JCB, 2016

Вы расскажете нам про другие миры,
затерявшиеся где-то там, среди звезд,
про других людей, про другие жизни?

Урсула Ле Гуин

Левая рука тьмы

В первую очередь они решили выставить напоказ свои груди. Для этого уселись на край кровати перед камерой – все три в ряд, – задрали футболки и по очереди стали снимать лифчики. Честно говоря, самой Робин и показывать-то было особенно нечего, но она все равно не отставала от подруг, хотя следила скорее за тем, какими взглядами оценивали ее Эми и Катя, чем за ходом затеянной ими игры. Если хочешь выжить в Саут-Бенде, сказали они ей однажды, дружи с самыми сильными.

Камера была вмонтирована в глаза плюшевой игрушки – небольшого зверька, который то крутился на трех колесиках, полускрытых под плоской основой, то двигался вперед-назад. Управлял им неизвестно кто и неизвестно откуда, и

девочки ничего о том человеке не знали. Сама игрушка изображала якобы медвежонка панду, но сходство было весьма условным, так как сделан он был незатейливо и на первый взгляд больше напоминал мяч для регби со срезанным низом, что, собственно, и позволяло панде стоять вертикально. Но кем бы ни был тот человек, который находился по другую сторону камеры, он явно старался ничего не упускать из виду, и, чтобы облегчить ему задачу, Эми специально поставила панду на табуретку, так что их груди оказались на уровне его глаз. Хозяйкой панды была Робин, но все, что принадлежало Робин, принадлежало также Эми и Кате – такую клятву на крови они втроем принесли в пятницу, и считалось, что эта клятва будет связывать их до конца жизни.

И вот теперь каждой из девочек предстояло исполнить свой номер, поэтому они снова надели футболки. Эми вернула панду на пол, взяла заранее принесенное из кухни ведро и накрыла им зверька. Ведро тотчас начало лихорадочно и вслепую метаться по комнате. Оно натыкалось на тетради, туфли, разбросанную по полу одежду, и это, судя по всему, доводило панду до крайнего отчаяния. Но когда Эми принялась ломать комедию – часто дышать и стонать вроде как от наслаждения, ведро остановилось. Катя мгновенно подхватила игру, и они вдвоем стали издавать такие звуки, словно испытывали долгий и глубокий оргазм.

– Только учти, пока это был еще не твой выход, – предупредила Катю Эми, когда они отсмеялись и немного перевели дух.

– Я на это и не претендую, – крикнула та, выбегая из комнаты и несясь куда-то по коридору. – Ну, теперь готовьтесь!

По правде сказать, Робин порой чувствовала себя не в своей тарелке, участвуя в подобных забавах, хотя ее восхищали и раскованность подруг, и то, как они разговаривали с мальчиками, и то, что у них всегда очень хорошо пахло от волос, а с ногтей в течение всего дня не облезал лак. Когда в своих дурачествах девчонки переступали границы дозволенного, Робин спрашивала себя: а вдруг таким образом они просто решили испытать ее? Она последней вступила в их “клан”, как они называли свою компанию, и очень старалась быть на высоте.

Катя вернулась в комнату с рюкзаком, присела перед ведром и подняла его, чтобы освободить панду.

– Ну-ка, теперь смотри внимательно, – сказала она, обращаясь в камеру, после чего панда уже ни на миг не отрывал от нее глаз.

Робин не знала, сумеет ли как следует понять замысел подруг. Слышать-то она их слышала, отлично слышала каждое слово, к тому же говорили они по-английски, а на этом языке в основном и объясняется весь мир. Английский – это, кажется, единственная хорошая вещь из всего, что получал каждый, кто появлялся на свет в их до ужаса скучном городе Саут-Бенде, хотя все равно был шанс столкнуться на улице с иностранцем, который даже время спросить по-английски не мог.

Катя расстегнула рюкзак и достала альбом с фотографиями их класса. Эми захлопала в ладоши и закричала:

– Ты принесла? Принесла эту лахудру? И сейчас покажешь ему, да?

Катя кивнула. Потом начала листать альбом и от нетерпения даже высунула кончик языка. Наконец она нашла то, что искала, пошире раскрыла альбом и поставила стоймя перед пандой. Робин заглянула туда. И увидела фотографию Сьюзен, странной девочки из биологической группы, которую их “клан” изводил и преследовал – просто так, потехи ради.

– Ее прозвали Жопастая, – сообщила Катя и дважды надула губки, как делала всегда, собираясь проделать совсем уж гнусную шутку, какие в их “клане” особенно ценились. – А сейчас я покажу тебе, как заработать на ней даровые денежки, – добавила Катя, все так же глядя в камеру. – Робин, солнышко, не смогла бы ты подержать альбом, пока я буду объяснять господину его часть дела?

Робин взяла альбом. Эми смотрела на них с любопытством, она понятия не имела, что задумала Катя, которая тем временем отыскала в своем мобильнике нужное видео и сунула экран прямо под нос панде. На видео Сьюзен спускала колготки и трусы. Было похоже, что съемка велась откуда-то снизу, с пола, скорее всего из-за унитаза, то есть камеру установили между стеной и мусорным бачком. Было слышно, как Сьюзен несколько раз пукнула. Подруги расхохотались, а потом завопили от восторга, когда Сьюзен, прежде чем дернуть за цепочку, уставилась на собственное дерьмо.

– Учти, дорогой, эта девица просто купается в деньгах, – сказала Катя в камеру. – Так вот, одну половину получишь ты, а вторую – мы. Вся беда в том, что отсюда наш “клан” шантажировать ее уже не может. На нас и так точат зубы в дирекции.

Робин все никак не могла врубиться, о чем идет речь, да и вообще, “клан” уже не в первый раз держал ее в стороне от своих самых темных делишек. Но скоро Катя сыграет приготовленный ею номер, и тогда настанет черед Робин, а она до сих пор так ничего и не придумала. Ладони у нее вспотели. Катя между тем достала тетрадь, карандаш и что-то написала.

– Вот здесь полное имя, номер телефона и почтовый адрес нашей Жопастой, – объяснила она и поставила раскрытую тетрадь перед камерой рядом с фотографией.

– А как этот тип передаст нам деньги? – спросила Эми и подмигнула “этому типу”. Катя задумалась. – Мы ведь ни хрена про него не знаем, – добавила Эми, – иначе ни за что не показали бы ему свои сиськи, правильно я говорю?

Катя посмотрела на Робин, словно прося у нее помощи. Только в таких вот редких случаях они вроде бы и вспоминали об ее присутствии – когда безобразия их переходили всякие границы и в результате подруги непременно начинали ссориться.

– Как, скажи на милость, этот тип сможет сообщить нам свой адрес? – уже самым издевательским тоном продолжала спрашивать Эми.

– А я знаю как, – вдруг подала голос Робин.

Катя и Эми с изумлением воззрились на нее.

Это и будет моим номером, подумала Робин, таким образом я сумею выкрутиться. Панда тоже повернулся к ней – видно, не желал пропустить ни одной детали происходящего в комнате спектакля. Робин отбросила альбом, подошла к шкафу и стала рыться в ящиках. Наконец она достала оттуда доску Уиджи, “говорящую доску” для спиритических сеансов, на которой были нанесены буквы алфавита. Робин разложила ее на полу.

– Ну-ка давай поднимайся на доску, – велела она панде.

И тот сразу же послушался. Три пластиковых колесика, крепившиеся у его основания, без труда одолели картонный бортик. Потом панда немного покатался туда-сюда по алфавиту, словно примериваясь. И хотя его тело закрывало собой больше одной буквы, легко было понять, на какую именно он указывал, когда вставал так, что она попадала между колесиками. Потом зверек перешел к началу алфавита и замер. Было ясно, что он отлично знаком с принципом пользования доской Уиджи. Робин думала сейчас о другом: как ей вести себя, когда подруги разойдутся по домам, а она останется наедине с пандой? И это после того, как они показали ему свои груди и объяснили, как можно выйти на связь с Робин.

– Гениально! – завопила Эми.

Робин не сдержала кривой усмешки.

– Как ты считаешь, у которой из нас грудь лучше? – начала задавать вопросы Катя.

Панда стал быстро перемещаться по буквам:

Блондинка

Катя гордо улыбнулась, так как заранее была уверена в таком ответе.

А Робин подумала: и как только ей раньше не пришла в голову мысль использовать доску Уиджи? Панда появился у нее больше недели назад. И все это время она могла бы спокойно беседовать с ним. Вдруг это какой-нибудь необычный человек или, допустим, мальчик, в которого она могла бы влюбиться, и вот теперь сама все испортила.

– Ну что, ты согласен вместе с нами потрясти Жопастую? – спросила Катя, снова показывая ему фотографию Сьюзен.

Зверек пришел в движение и “написал”:

Суки

Робин нахмурилась, ее это больно задело, хотя такая реакция скорее хорошо характеризовала панду: он ведь понимал, что девчонки ведут себя не лучшим образом. Катя и Эми переглянулись с гордыми улыбками, потом обе разом показали панде язык.

– Какая пошлость, – заявила Эми. – Ну ладно, посмотрим, что еще нам скажет этот господин.

– Так кто мы такие? Продолжай, утешитель ты наш, – опять обратилась к нему Катя, развязно посылая в сторону камеры воздушные поцелуи, – как еще ты нас обзовешь?

Деньги

Чтобы успевать следить за тем, на какие буквы указывал панда, надо было хорошенько сосредоточиться.

Вы сами мне их дадите

Три девушки переглянулись.

Груды сняты на камеру по 400 за штуку это 2400 долларов

Эми и Катя уставились друг на друга, а потом расхохотались. Робин схватилась обеими руками за свою футболку и судорожно комкала край, пытаясь выдавить

из себя улыбку.

– И с кого, интересно знать, ты намерен слупить эти деньги? – спросила Эми, делая вид, что собирается снова задрать футболку.

Если нет пошлю ваши сиськи почтой Сьюзен

Только теперь Катя и Эми перестали улыбаться. А Робин не могла вот так с ходу решить, кто прав – ее подружки или панда.

– Можешь показывать их кому угодно, – фыркнула Эми. – Наши – самые красивые в городе. И нам стыдиться нечего.

Робин знала, что к ней это не относится. Эми с Катей ударили ладонью о ладонь. Тогда панда принялся снова танцевать по доске и “писал” без остановки. Робин едва успевала расшифровывать его послание.

У меня есть видео мать Робин на унитазе и сестра Робин мастурбирует

Он двигался по доске довольно медленно, и все равно было сложно составлять из букв слова в соответствии с его передвижениями. Но девчонки уже не могли оторвать глаз от доски.

Отец говорит всякие вещи домработнице

Эми с Катей зачарованно наблюдали за его танцем по буквам, жадно дожидаясь следующего позорного разоблачения.

Робин голая говорит гадости про Эми по телефону

Катя и Эми опять переглянулись, потом посмотрели на нее, но уже без улыбки.

Робин играет будто она Эми, а потом Катя и целует их

Панда продолжал составлять слова, но Эми с Катей читать их перестали. Они вскочили с дивана, быстро собрали свои вещи и умчались, громко хлопнув дверью.

Пока панда сновал по доске, Робин дрожащими пальцами стала тыкать в клавиатуру, пытаясь отыскать в гугле способ, каким игрушку можно остановить. Ничего похожего на выключатель на панде не было, это она успела проверить еще раньше. Другого способа Робин тоже не могла придумать. Она схватила зверька и принялась ковырять между колесами концом ножниц, чтобы вскрыть подставку. Однако там не было ни единой щелки, и добраться до нутра у нее никак не получалось, поэтому Робин опустила панду на пол, и тот опять быстро влез на доску. Она пихнула его ногой. Он заверещал, Робин вскрикнула, потому что не знала, что кентуки умеет пищать. Схватила доску и швырнула в другой конец комнаты. Заперла дверь изнутри на ключ, взяла ведро и стала гоняться за пандой, словно охотясь за гигантским насекомым. Наконец сумела накрыть его, а сама села сверху и просидела так некоторое время, ухватившись руками за края ведра, и переставала дышать всякий раз, когда панда начинал биться там внутри. Робин изо всех сил сдерживала слезы.

Когда мать позвала ее есть, она крикнула, что неважно себя чувствует и ляжет спать без ужина. Потом поставила на ведро большой деревянный ящик, где хранила учебники и конспекты, чтобы оно не перевернулось. Еще раньше кто-то объяснил ей, что если не удастся разломать панду, единственный способ выключить его – дожидаться, пока закончится зарядка. Поэтому Робин обняла подушку, села на кровать и стала ждать. Панда время от времени пищал и бился о стенки ведра, как огромная муха, пока, уже ближе к рассвету, в комнате не воцарилась полная тишина.

* * *

На экране компьютера всплыло диалоговое окно. Эмили предложили ввести серийный номер. Она вздохнула и поудобнее устроилась на своем плетеном

стуле. Такого рода требования больше всего раздражали ее. Что ж, сына рядом, слава богу, не было, и он не давал ей понять своим молчанием, что она слишком долго ищет очки, чтобы еще раз прочитать инструкцию. Сидя за письменным столом, которому нашлось место только в коридоре, Эмилия выпрямилась, пытаясь унять боль в спине. Сделала глубокий вдох, затем выдох и, тщательно проверяя каждую цифру, ввела те, что были указаны на карточке. Она прекрасно знала, что у сына нет времени на такие глупости, и тем не менее живо представила себе, как он сейчас шпионит за ней с помощью какой-нибудь видеокамеры, тайком установленной здесь же в коридоре, и бесится из-за ее неловкости, находясь у себя в офисе в Гонконге, как бесился бы и муж Эмилии, будь он сегодня жив. Недавно она продала последний из присланных сыном подарков и погасила долг по квартплате. Эмилия плохо разбиралась в часах, дизайнерских портмоне или фирменных кроссовках, но прожила достаточно долгую жизнь, чтобы понимать: любая вещь, завернутая более чем в два слоя целлофана, помещенная в обитую бархатом коробку и с чеком, заверенным подписью и печатью поставщика, стоит столько, что вырученных за нее денег с лихвой хватит, чтобы такая пенсионерка, как она, расплатилась с долгами. А еще подарки сына лишний раз доказывали, как мало он знает о жизни своей матери. У Эмилии забрали ее блудного сына, едва ему исполнилось девятнадцать, – сманили непристойно высокими заработками, а затем начали перевозить из страны в страну. И теперь мальчика ей уже не вернут, хотя непонятно, кого в том винить.

Экран снова замигал. “Серийный номер принят”. Компьютер у Эмилии был далеко не последней модели, но для ее нужд вполне годился. Следующая надпись гласила: “Соединение с кентуки установлено”, и тут же открылось новое окно. Эмилия нахмурилась: и зачем только нужны все эти послания, если их невозможно расшифровать? Они действовали ей на нервы, но без них почти никогда не обходились приборы, которые присылал сын. Стоит ли терять время, пытаясь освоить то, что больше ни разу в жизни тебе не понадобится? Вот о чем она всякий раз спрашивала себя. Эмилия посмотрела на часы. Почти шесть. Скоро позвонит мальчик и спросит, понравился ли ей подарок, поэтому она постаралась не забивать себе голову ненужными сейчас мыслями и сосредоточиться. На экране появилась клавиатура – именно такой они с сыном пользовались, когда играли в морской бой, прежде чем те люди увезли его в Гонконг. Над клавиатурой выплыло предложение: “разбудить”. Она щелкнула по нему. И сразу большую половину экрана заняло видео, а клавиатура разделилась пополам и разъехалась в стороны, сжавшись до маленьких иконок. На видео появилась кухня в неведомо чьей квартире. У Эмилии даже мелькнуло подозрение, а не кухня ли это ее сына, хотя все здесь явно шло вразрез с его

вкусом, к тому же у него на кухне просто не могло быть ни такого беспорядка, ни такого количества лишних вещей. Журналы лежали на столе под банками пива, чашками и грязными тарелками. Открытая дверь вела в маленькую комнату, столь же неухоженную.

Послышался нежный, похожий на пение шепот, и Эмилия нагнулась поближе к экрану, чтобы разобраться, что там происходит. Колонки у нее были старые, из них шел посторонний шум. Когда звук повторился, стало ясно: это женский голос, и какая-то женщина обращалась к ней на незнакомом языке, но Эмилия не понимала ни слова. Она еще могла бы справиться с английским, правда, если бы говорили медленно, но язык на видео с английским ничего общего не имел. И тут на экране появилась девушка с темными влажными волосами. Она снова что-то сказала, и на этот раз на экране всплыло окно с вопросом, не нужно ли подключить переводчик. Эмилия предложение приняла, ткнула в кнопку “испанский”, и, когда девушка опять заговорила, поверх картинки появились желтые субтитры: “Ты меня слышишь? Ты меня видишь?”

Эмилия улыбнулась. На своем экране она наблюдала, как девушка подошла совсем близко. У нее были светлые глаза, колечко в носу, которое совсем ей не шло, и сосредоточенное выражение лица, словно она тоже никак не могла до конца поверить в то, что сейчас происходит.

– Yes. – Это было все, что Эмилия смогла выдавить из себя.

Похоже на разговор по скайпу, догадалась она. И сразу задалась вопросом, а не знаком ли сын с этой девушкой, и вознесла молитву Господу, чтобы это было не так, поскольку, за редкими исключениями, не жаловала женщин, которые слишком напористо демонстрируют свой бюст, и не из-за каких-то там нелепых предрассудков, просто за плечами у нее было целых шестьдесят четыре года прожитой жизни.

– Привет, – сказала Эмилия только для того, чтобы убедиться, что девушка не может ее услышать.

Та открыла инструкцию размером с две ладони, поднесла к самым глазам и начала быстро читать. Наверное, обычно она носила очки, но постеснялась надеть их перед камерой. Вообще-то, Эмилия еще не до конца разобралась, в чем суть новомодной выдумки с этими самыми кентуки, но сейчас не могла не

признать, что ее все-таки кольнуло любопытство. Девушка читала, кивая по ходу дела, но при этом не забывала время от времени поглядывать поверх инструкции на Эмилию. И внезапно вроде бы приняла решение, опустила инструкцию и заговорила на своем непонятном языке. Переводчик написал на экране: “Закрой глаза”.

Приказ удивил Эмилию, и она машинально выпрямила спину. Закрывает глаза и досчитала до десяти. Потом открыла и убедилась, что девушка по-прежнему смотрит на нее, будто ожидая какой-то вполне определенной реакции. И тут она увидела на экране своего компьютера новое окно, которое услужливо предлагало опцию “спать”. Она нажала на эту опцию, и экран потух. Эмилия услышала, как девушка засмеялась и захлопала в ладоши, затем снова заговорила. Переводчик написал: “Открывай! Ну открывай же глаза!”

На экране всплыла новая опция: “разбудить”. Когда Эмилия нажала на нее, снова включилось видео. Девушка улыбалась в камеру. Глупость какая-то, подумала Эмилия, но не могла не признать, что во всем этом есть своя изюминка. Что-то берущее за живое, хотя пока еще трудно было угадать, в чем тут дело. Эмилия нажала на кнопку “вперед”, и камера сразу на несколько сантиметров приблизилась к девушке, и та опять радостно засмеялась. Эмилия увидела, как она медленно, очень медленно поднесла указательный палец прямо к камере со словами: “Я трогаю твой нос”.

Буквы в переводе были большими и желтыми, читать их было удобно.

Эмилия нажала на кнопку “назад”, и девушка повторила тот же жест. Она явно была заинтригована – вне всякого сомнения, для нее это тоже был первый опыт, – поэтому и не думала сердиться на Эмилию за неумение обращаться с новой игрушкой. Они вместе осваивали ее. Эмилии это понравилось. Она опять отступила, а девушка опять захлопала в ладоши.

“Подожди”.

Эмилия подождала. И, увидев, что девушка куда-то пошла, быстро нажала кнопку “влево”. Камера повернулась, стало понятно, насколько маленькой была квартира: на экране появились расшатанное кресло и дверь в коридор. Девушка снова заговорила, и хотя теперь она не попадала в кадр, переводчик все равно выполнял свою роль: “Вот смотри – это ты”.

Эмилия вернулась в прежнюю позицию и снова увидела девушку, которая теперь держала перед самой камерой картонную коробку размером примерно сорок на сорок сантиметров. Крышка с надписью “Кентуки” была открыта. Эмилия не сразу сообразила, что именно и зачем ей показывают. Передняя стенка коробки была затянута прозрачным целлофаном, поэтому она сразу определила, что коробка пустая, а вот три других стороны были украшены фотографиями – вид в профиль, анфас и сзади: розовая с черным плюшевая игрушка, кролик, который на самом деле больше напоминал арбуз, чем кролика. Правда, у этого арбуза имелись два выпуклых глаза и, разумеется, пара длинных ушей. В нескольких сантиметрах над головой уши были скреплены между собой пряжкой – она помогала им стоять торчком, но уже чуть выше они, словно обмякнув, с двух сторон падали вниз.

“Ты красивая крольчиха. А тебе нравятся кролики?” – спросила девушка.

* * *

Их поселили в большой комнате. Буквально в нескольких метрах от дома начинался лес, начинались горы, а пронзительно-белый здешний свет ничего общего не имел с охряными тонами, царившими в Мендосе. Это ей понравилось. Как раз о чем-то подобном она и мечтала вот уже несколько лет: переселиться в другое место, или в другое тело, или в другой мир – куда угодно, лишь бы все вокруг переменялось. Алина глянула на кентуки – именно так называлась эта игрушка, о чем было написано и на коробке, и в прилагаемой инструкции. Сейчас кентуки стоял на зарядном устройстве – на полу рядом с кроватью. Глазок-индикатор аккумулятора все еще был красным, и, как сообщалось в инструкции, в первый раз на зарядку требовалось не меньше трех часов. Приходилось ждать. Алина взяла с большого блюда мандарин и принялась его чистить, расхаживая по комнате и время от времени выглядывая в кухонное окошко, откуда были видны двери мастерских. Ей хотелось полюбопытствовать, кто оттуда выходит и кто туда входит. Свену отвели пятую мастерскую, но побывать там Алина еще не удосужилась. Она впервые сопровождала Свена в одну из арт-резиденций, куда он довольно часто ездил, и поэтому тщательно обдумывала каждый свой шаг, стараясь не мешать и не нарушать границ его личного пространства. Короче, она приняла решение вести себя так, чтобы он не пожалел, что взял ее с собой.

Ведь это Свен получал гранты и стипендии, Свен разъезжал повсюду со своими монохромными ксилографиями, “неся искусство в народ” и “возвышая” тем

самым этот самый народ, так как был “настоящим художником”. А вот у нее, Алины, не было никакой жизненной цели, ничего, что поддерживало бы ее на плаву и защищало. Она и вообще сомневалась, что знает себя саму, как не знала и того, для чего, собственно, явилась в сей мир. Она была его женщиной. Женщиной мастера, как его называли здесь, в деревушке Виста-Эрмоса. Поэтому, если в ее жизни и случалось что-то по-настоящему новое, какой бы глупостью это новое на первый взгляд ни казалось, как, например, новые и странные отношения с кентуки, Алине приходилось помалкивать – по крайней мере до тех пор, пока она сама как следует не разберется, правильно или нет поступает. Или пока не разберется, почему, приехав в Виста-Эрмоса, не перестает взирать на окружающее с недоумением и не перестает спрашивать себя, как ей устроить собственную жизнь, чтобы скука, тоска и ревность окончательно не свели ее с ума.

Алина купила себе кентуки в Оахаке, городе, расположенном в часе езды от их деревни. В тот день ей до чертиков надоело бродить по торговым улицам мимо модных магазинов с вещами, которые она не могла себе купить. Вернее, могла, конечно же могла – спешила дать задний ход Алина, как только мысли ее принимали подобное направление, – могла, потому что у нее со Свенном был договор: она будет ездить с ним по таким вот арт-резиденциям, а он возьмет на себя все ее расходы. Однако уже во время первой их поездки он, как заметила Алина, слишком часто проверял свой банковский счет и при этом, не говоря ни слова, тяжело вздыхал.

На рынке она прошла вдоль рядов с фруктами, специями и национальными костюмами, старательно отводя глаза от подвешенных за ноги живых кур и гусей, которые молча трепыхались, изнемогая в предсмертной агонии. И где-то уже на задворках Алина обнаружила застекленный павильон, удивительно белый и чистый по сравнению с прочими торговыми местами. Автоматические двери открылись, она вошла, двери за ней закрылись, сразу же слегка приглушив уличный шум. Алину обрадовало глухое гудение кондиционера и то, что продавцы были заняты с другими клиентами или же переставляли товар на полках. Значит, ее оставят в покое. Она сняла с головы платок, пригладила волосы и двинулась вдоль незастекленных витрин, где были выставлены электробытовые приборы, с облегчением замечая вокруг массу всяких вещей, которые ей совсем не были нужны. Прошла мимо кофеварок, электробритв и через несколько метров остановилась. Тогда-то она и увидела их в первый раз. В ряд выстроились штук пятнадцать, или даже двадцать, коробок с надписью “Кентуки”. И сразу стало ясно, что это не обычная игрушка. А чтобы покупатели могли получше разглядеть новинку, продавцы вытащили некоторые модели из

коробок и поставили на них сверху, хотя и достаточно высоко, так что достать их оттуда было затруднительно. Алина взяла в руки одну коробку – белую и безупречно оформленную, не хуже, чем упаковки от айпэда и айфона, купленных Свенем, только размером побольше. Каждый кентуки стоил 279 долларов, а это было очень дорого. Красивыми они ей не показались, и тем не менее была в них некая изысканность, хотя в чем именно она заключалась, Алина вот так сразу объяснить не сумела бы. Что же это все-таки такое? Она опустила сумку на пол и наклонилась, чтобы получше разглядеть кентуки. На разных коробках были нарисованы разные зверюшки, во всяком случае, одинаковых она не нашла. Там были кроты, кролики, вороны, панды, драконы и совы. Внимательно изучив каждую картинку, Алина мысленно отобрала пять. Потом из этих пяти выделила две. Теперь оставалось принять решение, хотя она тотчас задалась вопросом: а что, собственно говоря, она должна решить? На одной из двух коробок было написано: crow / kr?he /?? /cuervo / ворон, на другой – dragon /drache /?/dragon /дракон. У ворона камера видела в темноте, однако сам ворон, как выяснилось, не был водонепроницаемым. В отличие от дракона. А еще дракон умел извергать пламя. К сожалению, ни она сама, ни Свен не курили. Алине понравился дракон, потому что он был сделан не так примитивно, как ворон, однако ворон, по ее мнению, подходил ей больше. Но вряд ли подобные рассуждения были уместны, когда речь шла о такого рода покупке. Она снова подумала про цену, про эти самые 279 долларов, и даже сделала несколько шагов назад. Только вот коробку из рук не выпустила, что не преминула мысленно отметить. И сразу поняла: она непременно купит себе эту игрушку, купит, и все тут, и заплатит карточкой Свена, хотя заранее могла вообразить, как он будет вздыхать, изучая свой счет. Алина понесла ворона к прилавку, чутко прислушиваясь к тому, как этот поступок повлиял на ее настроение, и пришла к выводу, что нынешняя покупка может кое-что изменить в ее жизни. Каким образом изменить, Алина понятия не имела, как не знала и того, не совершает ли сейчас ошибку. Продавец, который ее обслуживал, совсем еще мальчишка, как-то очень уж бурно обрадовался, увидев у нее в руках коробку с кентуки.

– У моего брата уже есть такой, – сообщил он, – а я пока коплю деньги, чтобы завести собственного. Знаете, это что-то фантастическое.

Именно так он и сказал: “что-то фантастическое”. И Алина в первый раз засомневалась – нет, не в том, стоит ли покупать кентуки, а в том, не напрасно ли она выбрала ворона, но тут парень, улыбаясь во весь рот, забрал у нее коробку, и тотчас – пип! – послышался резкий и непоправимый писк, когда он поднес штрихкод к сканеру. Потом продавец вручил Алине скидочный купон на

следующую покупку и пожелал очень доброго дня.

Вернувшись в Виста-Эрмоса и едва войдя к себе в комнату, Алина скинула босоножки и немного полежала на кровати, устроив ноги на подушке Свена. Коробка с кентуки, все еще нераспакованная, стояла рядом, пока Алина размышляла, можно ли будет вернуть покупку в магазин, если упаковка окажется нарушенной. Наконец, придя в себя, она села и поставила коробку на колени. Сняла фирменный скотч и принялась ее открывать. Сразу возникло ощущение, что там, внутри, лежит вещь дорогая, пахнущая новыми технологиями, пластиком и хлопчатой тканью. Кроме того, было что-то волнующее и упоительное в том, как ты в первый раз растягиваешь тщательно свернутые провода, снимаешь целлофан с двух видов переходников, вдыхаешь запах пластика, исходящий от зарядного устройства, обнаруживаешь, что испанский занимает шестое место среди языков, на которых написана небольшого формата, но толстенькая инструкция. И при этом осознаешь: для тебя все только начинается, поскольку вставленная внутрь вторая коробка с самим кентуки еще ждет своей очереди. И Алина достала его, отложив все прочее в сторону.

Игрушка оказалась довольно неказистой – большое твердое яйцо, обтянутое серо-черным плюшем. Желтый пластмассовый треугольник, призванный изображать клюв, был приклеен прямо к животу и напоминал мужской галстук, правда сильно выступающий вперед. Алине показалось, что глаза у ворона черные, но, приглядевшись получше, она поняла, что сейчас они просто-напросто закрыты. Еще у ворона имелись три гладких резиновых колесика – два под лапами и одно почти на хвосте, а маленькие крылышки, прижатые к туловищу, вроде бы существовали сами по себе, независимо от всего остального. Наверное, они могли как-то двигаться или даже трепыхаться. Алина поставила ворона на зарядное устройство и подождала, пока загорится индикатор. Но лампочка то и дело принималась мигать, как если бы связь никак не желала устанавливаться, а потом и вовсе гасла. Алина подумала, что, вероятно, следует подключить кентуки к интернету через Wi-Fi. И, сидя на краю кровати, она еще раз заглянула в инструкцию. Та подтверждала то же, что было написано на коробке: 4G/LTE включался автоматически, пользователю надо было лишь поместить его на зарядное устройство. Покупатель получал также на год бесплатное мобильное подключение, поэтому не нужно было ничего ни к чему самим подключать. Не вставая с кровати, Алина продолжала изучать инструкцию. Наконец она нашла то, что искала: когда “хозяин” кентуки впервые ставит свой прибор на зарядку, ему нужно проявить “хозяйское терпение” и дожидаться, пока кентуки установит соединение с центральным сервером, чтобы

сервер, в свою очередь, связал его с другим пользователем, с неким человеком, обитающим в какой угодно части света, который пожелает стать “жизнью” кентуки. Процесс соединения – в зависимости от скорости – может занять от пятнадцати до тридцати минут, пока установка программного обеспечения не завершится на обеих сторонах. Не рекомендуется снимать с зарядки кентуки в течение всего этого времени.

Почувствовав разочарование, Алина стала смотреть, нет ли в коробке еще чего. К ее удивлению, кроме зарядного устройства и инструкции, к игрушке не прилагалось ничего, что помогало бы ею управлять. Сам собой напрашивался вывод: ворон будет действовать независимо от воли Алины, вернее, управлять им будет тот, другой, пользователь, кого в инструкции называют “жизнью” кентуки. Но что же тогда получается? Сама она не имеет права даже включить или выключить собственную игрушку? Алина открыла инструкцию на странице с оглавлением. Поискала, нет ли указаний, как можно выбрать второго пользователя – того, который будет управлять ее кентуки. Или, скажем, нет ли перечня каких-то личностных характеристик, которые она могла бы по своему усмотрению предпочесть. И хотя Алина несколько раз пролистала инструкцию и внимательно изучила оглавление, ничего подобного она не нашла. Это ее насторожило. Она захлопнула брошюрку и отправилась на кухню, чтобы налить себе чего-нибудь прохладительного.

Наверное, можно было бы послать Свену эсэмэску или наконец-то спуститься вниз и заглянуть в его мастерскую. Ей очень хотелось разведать, как там обстоят дела, после того как несколько дней назад Свену прислали помощницу для переноса гравюр на бумагу. Работы у него были большие, а влажная бумага, которую надо накладывать на пластинку, слишком тяжела для одного человека. Но именно от этого “зависит четкость линий”, как с возмущением описывал весь процесс Свен. Тогда в голову его галерейщику пришла гениальная мысль – нанять ему помощницу. Алина подумала, что рано или поздно ей все равно придется сходить в мастерскую и проверить, не плетется ли там какая-нибудь интрига. Сидя на кровати, она бросила взгляд на индикатор заряда аккумулятора: огонек стал зеленым и больше уже не мигал. Она под села поближе, опять вооружилась инструкцией и принялась теперь уже более вдумчиво читать ее. Время от времени поглядывая на ворона, девушка сравнивала его с тем, что уже успела прочесть, и старалась запомнить детали. Поначалу Алина полагала, что в руки ей попало какое-то японское техническое чудо последнего поколения – еще один шаг к домашним роботам, о которых она с детских лет привыкла узнавать из воскресных приложений к газетам. Но сейчас ничего особенно нового в кентуки не обнаружила: на первый взгляд он

представлял собой гибрид умеющей двигаться плюшевой игрушки с сотовым телефоном. Имелись камера, маленький динамик, микрофон и аккумулятор, которого хватало на день или два – в зависимости от интенсивности использования. Идея была старой, да и технология тоже казалась старой. Тем не менее этот гибрид выглядел затейливо и хитроумно. Наверняка в самое ближайшее время начнется маленький бум и подобные игрушки станут невероятно популярны. Тут Алина подумала, что хоть раз в жизни ей довелось попасть в самые передовые ряды пользователей, в ряды тех, кто, когда все вокруг примутся визжать от восторга, уже успеют устать от несовершенств этого изобретения и со снисходительной улыбкой будут слушать восторги новоявленных фанатов. Сейчас она освоит один из главных трюков и напугает Свена, как только он вернется. Уж какая-нибудь забавная шутка непременно придет ей в голову.

Когда связь с K0005973 наконец установилась, кентуки на несколько сантиметров приблизился к кровати. Алина вскочила на ноги. Она, конечно, ждала чего-то подобного, но все равно страшно удивилась. Спустившись с зарядного устройства, кентуки докатил до центра комнаты и остановился. Алина подошла к нему, правда, с опаской и не очень близко. Потом сделала круг, но ворон больше не двигался. И тут она заметила, что глаза у него открыты. Значит, камера включилась. Алина машинально провела рукой по плотной ткани своих джинсов. Слава богу, что она не расхаживает по комнате в одном нижнем белье. Надо бы пока выключить игрушку, решила она, и тем временем подумать, как вести себя с ней дальше, но тотчас сообразила, что не знает, как ворон выключается. Не было видно ничего похожего на выключатель ни на самом кентуки, ни на зарядном устройстве. Алина какое-то время наблюдала за ним. А тот не отрываясь смотрел на нее. Неужели она рискнет заговорить с ним? Прямо сейчас, когда они находятся в комнате вдвоем? Алина откашлялась. Подошла поближе и села перед вороном на корточки.

– Привет, – сказала Алина.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом кентуки дернулся на несколько сантиметров в ее сторону. Ничего особенного, конечно, но было в этом и что-то занятное.

– Ты кто? – спросила Алина.

Ей страшно хотелось узнать, какой именно партнер ей достался. Что за человек предпочел стать “жизнью” кентуки, вместо того чтобы купить себе, например, такого вот ворона и быть его “хозяином”? Она подумала, что, возможно, он тоже страдает от одиночества, как, скажем, ее мать, которая находится сейчас в другом конце Латинской Америки. Ну а если это какой-нибудь не по годам резвый старичок-женоненавистник, или какой-нибудь развратный тип, или кто-то, кто и по-испански-то не говорит?

– Привет? – тоном вопроса повторила Алина.

Но, судя по всему, разговаривать кентуки не умел. Она снова села перед ним на корточки и потянулась за инструкцией. В разделе “Первые шаги” Алина стала искать указания относительно того, как положено начинать общение. Наверное, надо задавать такие вопросы, на которые достаточно ответить “да” или “нет”, для чего существуют специальные знаки: допустим, если кентуки повернется налево, это будет означать “да”, если направо – “нет”. А получил ли второй пользователь такую же инструкцию, какая есть у нее? Правда, сама она нашла там лишь разъяснения технического характера, а также советы, как бережно обращаться с прибором.

– Если ты меня слышишь, сделай шаг вперед, – велела Алина.

Кентуки пододвинулся к ней на несколько сантиметров, и она улыбнулась.

– А теперь давай договоримся: ты будешь делать шаг назад, когда хочешь сказать “нет”.

Кентуки не шевельнулся. Забавно. И тут она совершенно ясно поняла, что именно ей хотелось непременно узнать: мужчина это или женщина, сколько ему или ей лет, где он или она обитает и чем занимается, чем интересуется? Алине было просто необходимо – и срочно – составить представление о человеке, который “оживляет” ее кентуки. Ворон тем временем стоял перед ней, смотрел, и казалось, ему так же не терпится начать отвечать на все эти вопросы, как ей их задавать. А ведь отныне кентуки получит возможность не таясь наблюдать за ней, по зернышку собирать информацию о ее личной жизни, видеть Алину всю, как она есть, будет знать особенности ее голоса, всю одежду и распорядок дня. Он будет свободно разгуливать по комнате, а вечером познакомится со Свенном. Между тем на долю Алины останется лишь право задавать ему вопросы. Но ведь

кентуки запросто может не отвечать на них или, допустим, соврать. Может представиться филиппинской школьницей или иранским нефтяником. Может оказаться кем-то из ее знакомых, хотя такое совпадение и маловероятно, но не признаваться в этом. Зато вся ее жизнь будет перед ним как на ладони. Алина сразу вспомнила канарейку, которая жила у нее когда-то в юности. Несчастливая птица ведь так и померла, продолжая глядеть на хозяйку из своей клетки, висевшей в центре комнаты. Но тут кентуки заверещал, и Алина посмотрела на него, нахмутив брови. Звук был металлический – так мог бы кричать орленок, посаженный в жестяную банку.

- погоди минутку, мне надо подумать, – отозвалась она.

Алина встала, подошла к окну, выходившему на мастерские художников, и высунулась наружу, чтобы увидеть крышу помещения, отведенного Свену. Судя по всему, кентуки надоело ждать, и он опять запищал. Потом Алина услышала, что он задвигался, и стала наблюдать, как он идет к ней, чуть покачиваясь из-за неровностей деревянного пола. Ворон остановился прямо перед Алиной. Они молча смотрели друг на друга. Но тут ее отвлек звук, донесшийся со стороны мастерских, и она опять выглянула в окно. Из мастерской Свена выходила его новая помощница. Девушка смеялась и что-то изображала руками, обернувшись к двери. Судя по всему, она отвечала на шутки человека, стоявшего на пороге, а он продолжал что-то говорить ей вслед, она же снова и снова оборачивалась. Но тут Алина почувствовала легкие удары по ногам. Кентуки приблизился к ней вплотную и резко поднял голову, чтобы лучше видеть свою “хозяйку”. Она нагнулась и взяла ворона в руки. Он был тяжелым, кажется, стал даже еще тяжелее, с тех пор как она достала его из коробки. Алина прикинула, что будет, если она уронит кентуки на пол. Нарушится ли связь с тем, вторым, пользователем? Или игрушка безнадежно сломается? Кто знает, насколько она крепкая и долговечная. Колеса под лапками ворона крутились в воздухе то в одну, то в другую сторону, глаза часто моргали, но продолжали смотреть на Алину. Как мило, что он не умеет говорить, вдруг мелькнула у нее в голове неожиданная мысль. Разработчики приняли правильное решение. “Хозяевам” не должно быть никакого дела до мнения их домашних питомцев. Но тотчас ее осенило: а ведь это хитрая ловушка. Если ты установишь связь со вторым пользователем, узнаешь, кто он такой, ты неизбежно многое сообщишь ему и о себе. В конце концов кентуки всегда будет знать о тебе больше, чем ты о нем, вот в чем фокус. Да, но она в любом случае остается его “хозяйкой” и не позволит ворону превратиться в нечто большее, нежели ее игрушка. Если говорить честно, ей ведь и нужна была всего лишь игрушка. Значит, решено: она не задаст своему кентуки ни одного вопроса, а без ее вопросов он будет

зависеть только от воли “хозяйки”, и никакого общения между ними не получится. Жестокая мера, но единственно правильная и необходимая. Алина снова опустила ворона на пол и чуть подтолкнула к центру комнаты. Он правильно ее понял – ловко обогнул ножки стола и кресел, прошел под комодом и направился в сторону зарядной базы.

* * *

Марвин сидел за отцовским письменным столом и болтал ногами, которые пока еще не доставали до пола. Чтобы скоротать время, он рисовал каракули на полях школьной тетради, то и дело поглядывая на экран своего планшета, где уже больше десяти минут красовалась надпись: “Устанавливается связь”. Ниже было добавлено: “Задание может выполняться медленно”. Информация предназначалась для тех, кто подключал кентуки впервые. Но Марвин еще раньше успел поволноваться, пару раз наблюдая за первыми подключениями вместе со своими друзьями, и поэтому отлично знал, что от него требуется.

Неделю назад, когда отец обнаружил, какие оценки сын на самом деле получает в школе, он заставил Марвина пообещать, что тот каждый день будет по три часа сидеть в кабинете за книгами и наверстывать упущенное. Марвин тогда сказал: “Господом Богом клянусь, что каждый день буду сидеть по три часа за столом, заваленном книгами”, – но вот о том, станет ли он эти книги читать, не упомянул ни словом, поэтому данной клятвы, по сути, теперь не нарушал, и отец лишь через несколько месяцев узнает, что сын установил на своем планшете связь с кентуки, если, конечно, у отца найдется время и он снова заинтересуется, не случилось ли чего нового в жизни сына. Марвин внес плату за подключение к кентуки, воспользовавшись счетом матери. Это были электронные деньги, а они могут довольно долго храниться и после смерти вкладчика. Марвин уже несколько раз пользовался этим счетом, и, как он подозревал, отец до сих пор понятия не имел о его существовании.

Наконец серийный номер был принят. Марвин аж подпрыгнул от радости и склонился над планшетом. Правда, он не знал, хорошо ли будет действовать кентуки, если его подключить через планшет. Друзья Марвина, которые уже какое-то время назад стали “жизнью” своих питомцев – один обитал на Тринидаде, второй в Дубае, – пользовались для управления Visor’ами, и теперь Марвин боялся, что его старенький планшет поведет себя как-нибудь не так. Камера включилась, экран залился белым светом. “Дракон, дракон!” – с мольбой

шептал Марвин, дрожа от нетерпения и сложив пальцы крестом. Он хотел быть драконом, хотя знал, что придется мириться с тем, что пошлет ему судьба. Его друзья тоже мечтали стать драконами, но Бог распорядился иначе, так как Он лучше знает, что на самом деле подходит каждому человеку. Один стал кроликом и целыми днями разгуливает по комнате некой женщины, которая позволяет ему смотреть, как она перед сном принимает душ. Второй – кротом. Этот двенадцать часов в неделю проводит в квартире, откуда виден турецкий берег Персидского залива.

Какое-то время экран на планшете Марвина оставался белым, и мальчик не сразу догадался, что объяснялось это просто: камера кентуки была направлена на белую стену, а значит, и не могла показать ничего другого. Марвин заставил кентуки чуть отступить назад. Планшет выполнил подключение почти так же хорошо, как и Visor, и тем не менее Марвин до сих пор не мог сообразить, куда именно в результате попал. Он повернулся, осмотрелся и наконец увидел хоть что-то – а именно четыре небольших пылесоса, выстроенных в ряд друг за другом. Эти пылесосы, новенькие и самых современных моделей, высотой были не больше кентуки. Мама Марвина пришла бы от них в восторг. Пройдя немного в другую сторону, Марвин убедился, что четвертая стена была стеклянной и выходила на улицу, иными словами, он находился внутри витрины. Снаружи уже совсем стемнело, и тут мимо прошел какой-то человек с опущенным на лицо капюшоном, так что Марвину трудно было определить не только его возраст, но даже мужчина это или женщина. А еще Марвин увидел снег! Снаружи шел снег! Мальчик от восторга задрыгал под столом ногами. Пусть оба его приятеля хвастают чем угодно, но вот снега нет ни у того ни у другого. Ни тот ни другой в жизни своей ни разу не потрогали снега, а он, Марвин, видит его сейчас яснее ясного. “Когда-нибудь я отвезу тебя туда, где ты посмотришь на снег, – обещала ему мама задолго до того, как он узнал, что такое снег. – Если ты до него дотронешься, у тебя начнет покалывать кончики пальцев. – И мама тянула к нему кончики своих пальцев, словно собиралась его пощекотать. – Тебе очень понравится”.

Марвин решил поискать выход из витрины. Обошел вокруг пылесосов и проверил все четыре угла. На улице какая-то женщина на минутку остановилась, чтобы поглазеть на него. Марвин попытался зарычать, но звук получился тихим и печальным, к тому же таким унылым, что больше напоминал шум сгоревшего трансформатора, чем рык дракона. Он ведь так до сих пор и не знал, каким зверем ему выпало стать... Женщина пошла дальше. Марвин попробовал потолкать сначала один, а затем и другой пылесос. Они оказались слишком тяжелыми для него и едва сдвинулись с места. Тогда он подошел к стеклу и стал

наблюдать за снежинками, которые плавно падали на асфальт и сразу же таяли, превращаясь в воду. Интересно, сколько же времени должен идти снег, чтобы все вокруг стало белым?

Марвин немного потренировался, примериваясь, как побыстрее перескочить с управления кентуки на Википедию – в случае, если в кабинет неожиданно войдет отец. Потом стал смотреть на фотографию матери, висевшую между старым деревянным отцовским распятием и образом Девы Милосердной. Наверное, Господь все еще ждет подходящего момента, чтобы открыть Марвину, каким животным ему выпало стать. Мальчик снова склонился над планшетом. Он заставил своего кентуки несколько раз удариться головой о витринное стекло, а потом опять уставился на пустую улицу. Надо обязательно придумать, как оттуда выбраться, решил Марвин. Потому что ни за что на свете он не согласится еще и там, в своей другой жизни, сидеть взаперти.

* * *

– Не смотрите на меня так, – сказал Энцо. – И перестаньте бегать за мной по пятам как собачка.

Ему объяснили, что кентуки – это еще и “какой-то другой человек”, вот почему Энцо всегда обращался к нему на “вы”. Если кентуки путался у него под ногами, “хозяин” распекал его, но это было всего лишь игрой, потому что, судя по всему, отношения между ними уже начали налаживаться. Привыкнуть к кентуки ему было непросто. На первых порах Энцо сильно раздражал плюшевый зверек, который вечно вертелся где-то рядом. Жестокое изобретение. Приходилось весь день смотреть под ноги, чтобы не наступить на крота. Мальчик, кстати сказать, не обращал на кентуки никакого внимания, словно того и не было. Бывшая жена и психолог мальчика во время “переговоров” в два голоса объясняли Энцо, чрезмерно увлекаясь подробностями, почему иметь дома кентуки – очень полезно для ребенка. “Это еще один шаг, который поможет Луке адаптироваться”, – заявила бывшая жена. А когда отец предложил завести собаку, его слова вызвали у обеих искреннее изумление: зачем, если в доме у мамы Луки уже и так есть кошка, а кентуки мальчику нужен в отцовском доме? “Неужели мы должны вам снова все объяснять?” – спросила психологиня.

На кухне Энцо собрал инструменты, которые могли понадобиться ему в теплице, и вышел в расположенный за домом сад. Было четыре часа дня, над Умбертиде

висело серое мрачное небо, и казалось, что вот-вот хлынет дождь. Энцо услышал, как оставшийся в доме крот начал колотить в дверь. Ничего, ничего, скоро я к тебе вернусь, подумал Энцо.

Да, он уже успел привыкнуть к компании кентуки. Делился с кротом новостями и, если садился работать, поднимал его к себе на письменный стол и позволял там разгуливать. Их отношения чем-то напоминали те, что когда-то сложились у отца Энцо с их собакой, и порой, но только когда они с кентуки оставались вдвоем, он повторял некоторые любимые отцовские словечки или копировал его позу, хватаясь за поясницу после мытья посуды или подметания полов. Или, совсем как отец, с мягким упреком и легкой улыбкой не без удовольствия произносил: “Не смотрите на меня так. И перестаньте бегать за мной по пятам как собачка”.

А вот отношения мальчика с кентуки никак нельзя было назвать добрыми. Лука твердил, что ненавидит крота за то, что тот ходит за ним хвостиком, лезет к нему в комнату, “чтобы порыться в моих вещах”, и целый день пялится на него как последний дурак. Лука каким-то образом прознал, что, если помешать кентуки вовремя подзарядить аккумулятор и батарея сядет, связь между “хозяином” и “жизнью” сразу оборвется. “Только не вздумай ничего такого проделать, – пригрозил сыну Энцо, – твоя мать нас убьет”. Но Лука несколько не испугался, наоборот, он принялся во всех подробностях втолковывать отцу суть дела: если связь между “хозяином” кентуки и вторым пользователем хоть раз нарушится, восстановить ее будет невозможно. И при одной только мысли, что когда-нибудь с его помощью аккумулятор кентуки полностью разрядится, мальчик просиял. Он получал массу удовольствия, запирая крота в ванной или придумывая другие способы, как перекрыть тому доступ к зарядному устройству. Энцо уже привык, просыпаясь среди ночи, видеть где-то у самого пола мигающий красный огонек, при этом кентуки стучал по ножкам кровати, словно прося, чтобы кто-нибудь помог ему отыскать зарядку. И все же крот всегда находил способ вовремя известить Энцо о своей беде. Если Энцо хотел избежать нового судебного разбирательства со своей бывшей, надо было во что бы то ни стало сохранять кентуки в рабочем состоянии. Хотя и было решено, что забота о сыне ложится на обоих родителей, мать мальчика уже сумела привлечь на свою сторону психолога, поэтому будет лучше, если со злосчастным кротом ничего плохого не случится.

Энцо слегка разрыхлил землю и добавил в нее компоста. Раньше теплица принадлежала его бывшей жене и была последним, из-за чего они сражались

при разводе. Иногда, вспоминая об этом, он радовался, что теперь теплица перешла к нему. Никогда прежде он не замечал, какая приятная земля на этих грядках. Ему нравилось вдыхать ее запах, чувствовать ее влажность, нравилось сознавать, что этот маленький мир не только зависит от его решений, но и принимает их с молчаливой и безусловной покорностью. Такая работа помогала расслабиться и давала возможность хоть немного подышать свежим воздухом. Он купил все, что было нужно для теплицы: разбрызгиватели, инсектициды, датчики влажности, лопаты, а также грабли, среднего размера и совсем маленькие.

Энцо услышал, как тихо скрипнула и опять закрылась дверь, затянутая москитной сеткой. На нее достаточно было лишь чуть поднажать изнутри – и крот мог свободно выйти из дома, такая независимость вроде бы нравилась ему. Потом он быстро отскакивал, чтобы дверь, возвращаясь в прежнее положение, не ударила его. Правда, иногда не успевал, и дверь его задевала и сбрасывала вниз. Он недовольтно пищал, а Энцо спешил кроту на помощь.

На сей раз он упал удачно, то есть встал на колесики, и Энцо ждал, когда же тот дойдет до теплицы.

– Ну и что вы опять вытворяете? – спросил “хозяин”. – Ведь в один прекрасный день вы не сумеете подняться самостоятельно, а меня поблизости не окажется. И тогда?..

Теперь кентуки стоял уже совсем рядом, вплотную к его ботинкам, но быстро отодвинулся немного назад.

– Что?

Кентуки посмотрел на него. В правый глаз ему попала земля. Энцо чуть наклонился и сдул ее.

– Как вам нравится мой базилик? – спросил он.

Кентуки развернулся и куда-то заспешил. Энцо продолжал понемногу добавлять в землю компост, прислушиваясь к шуму маленького мотора, который заработал бойчее. Крот выбрался из теплицы, его колеса иногда с легким стуком задевали за края плит, покрывавших двор. Ладно, подумал Энцо, значит, несколько минут

у меня еще есть. И отправился за садовыми ножницами, а когда вернулся, кентуки снова был в теплице и ждал его.

– Может, надо полить еще?

Кентуки не шевельнулся и не издал ни звука. Вести себя именно так научил его Энцо, и это было своего рода договором между ними, помогавшим общаться: полная неподвижность кентуки означала “нет”, слабое урчание – “да”. Резкое движение было изобретением самого кентуки, но смысла его Энцо так до сих пор и не разгадал. Знак казался ему неопределенным и вроде бы мог восприниматься по-разному в зависимости от ситуации. Иногда в нем угадывалось что-то вроде: “Следуй за мной, пожалуйста”, иногда: “Не знаю”.

– А красный перец? Только в четверг первые ростки проклюнулись, и вроде уже подрос?

Кентуки снова куда-то отправился. Наверное, это был какой-нибудь старик. Или человек, которому нравится вести себя по-стариковски. Энцо знал это, потому что задавал ему вопросы – у них получалась своего рода игра, приводившая крота в восторг. Но игру следовало устраивать регулярно, чтобы интерес к ней не угасал, – так регулярно, скажем, купают собаку или меняют наполнитель для кошек. Вопросы Энцо задавал, когда пил свое пиво, устроившись в шезлонге, поставленном перед теплицей. Особого напряжения игра от него не требовала. Мало того, иногда он задавал вопросы, а потом не обращал никакого внимания на ответы – сидел с закрытыми глазами, выдерживая паузу между двумя глотками пива, и постепенно погружался в легкий сон, так что кентуки приходилось стучать по ножке шезлонга, чтобы заставить “хозяина” продолжать.

– Да, да, сейчас... Я вот думаю... – говорил Энцо, – интересно было бы узнать, чем занимается наш крот? Может, он повар? – Кентуки застывал, что соответствовало очевидному “нет”. – Или он выращивает сою? А может, он учитель фехтования? Владелец завода, производящего свечи зажигания?

Но однозначного ответа на свои вопросы Энцо никогда не получал, он не мог даже точно определить, были ответы крота в общем и целом честными или весьма приблизительными. Со временем Энцо удалось выяснить, что, кем бы ни был человек, который разгуливал по их дому под видом крота, он наверняка

очень много путешествовал, при этом места, где ему довелось побывать, не совпадали с теми, что до сих пор успел перечислить Энцо. Также не вызывало сомнений и другое: речь шла о человеке взрослом, хотя никак не получалось узнать его хотя бы примерный возраст. Он вроде бы не был ни французом, ни немцем, а иногда вдруг казался и французом и немцем сразу, и у Энцо даже мелькнула мысль, что, скорее всего, его можно считать эльзасцем, и “хозяин” забавлялся, наблюдая, как кентуки от нетерпения бегают кругами и в отчаянии ждет от него именно такого вывода, который как будто напрашивался сам собой. Но произнести это слово крот не мог, а Энцо все тянул и никак не желал сказать: “Эльзас”.

– Вам нравится Умбертиде? – спрашивал он. – А итальянский народ, солнце, цветастая одежда и необъятные задницы наших женщин?

Тут кентуки опять начинал бегать вокруг шезлонга и мурлыкать как только мог громко.

Иногда Энцо брал крота с собой в машину и ставил у заднего стекла, чтобы тот смотрел на улицу, пока “хозяин” вез Луку на тренировку по теннису или ехал в супермаркет за продуктами, а потом они возвращались домой.

– Вы только гляньте, какие женщины! – приговаривал Энцо. – И откуда, интересно знать, бывают родом кроты, которые никогда не видели таких женщин?

А крот снова и снова мурлыкал, выражая таким манером не то гнев, не то удовольствие.

* * *

Компьютер она несколько лет назад тоже получила в подарок от сына из Гонконга, и тоже завернутый в целлофан. Но и этот его подарок, во всяком случае поначалу, скорее огорчил ее, чем обрадовал. Теперь белый пластик успел потускнеть, и можно было сказать, что Эмилия и компьютер вполне привыкли друг к другу. Она надела очки, включила его, и тотчас автоматически проснулся ее кентуки. Картинка на экране выглядела перекошенной, словно камера упала. Однако Эмилия сразу узнала вчерашнюю квартиру, ту, где жила девица с

большим вырезом, и поняла: кентуки не стоит, а лежит. И только когда “хозяйка” подняла его, Эмилия разглядела, что ему было приготовлено что-то вроде собачьей лежанки, обтянутой мягкой тканью ярко-розового цвета в белую крапинку. Девушка заговорила, и тотчас на экране появились желтые субтитры:

“Добрый день.”

Грудь ее сегодня была как следует упакована в топик небесно-голубого цвета, но кольцо из носа она так и не вынула. Эмилия уже успела спросить сына, какие отношения связывают его с этой девицей, и он ответил, что никакие, а потом в очередной раз принялся растолковывать, по каким принципам действуют кентуки. Под конец он стал расспрашивать, что именно она увидела на экране, какой город ей достался и как там с ней обходятся. Любопытство сына показалось Эмилии подозрительным, потому что обычно он совершенно не интересовался жизнью матери.

– А откуда тебе стало известно, что ты именно кролик? – еще раз спросил сын.

Эмилия хорошо помнила, как девушка назвала ее “красивой крольчихой”, помнила, как она показала ей коробку, к тому же кто-то еще раньше взял на себя труд объяснить, что управлять она будет плюшевой игрушкой, изображающей какое-то животное. Может, они, эти зверьки, соответствуют знакам китайского гороскопа? Может, есть какой-то особый смысл в том, что ты стал кроликом, а не, скажем, змеей?

“От тебя прелестно пахнет.”

Девушка почти уткнулась носом в камеру, и экран у Эмилии на секунду потемнел.

И чем, интересно знать, может пахнуть игрушка?

“Мы с тобой будем много чем заниматься вместе. Знаешь, что я видела сегодня на улице?”

И она рассказала, что видела у супермаркета. Ерунду какую-то, конечно. Но Эмилия все равно старалась понять ее рассказ и внимательно следила за

желтыми надписями, но переводчик работал слишком быстро. То же самое с ней случилось и в кино: если фразы в титрах были слишком длинными, они исчезали с экрана прежде, чем она успевала их дочитать.

“День нынче чудесный”, – сказала девушка, подняв кентуки над головой и повернув камерой к окну.

Эмили открылся вид на город: широкие улицы, купола нескольких церквей, каналы и ярко-красный свет закатного солнца, заливавший все вокруг. Она смотрела и не могла насмотреться. Эмилия не ожидала от девушки ничего подобного, и незнакомый город поразил ее в самое сердце. Ни разу в жизни ей не довелось выехать за границы Перу, если не считать поездки в Санто-Доминго на свадьбу сестры. Какой же город Эмили вот так мельком показали теперь? Она хотела увидеть его снова, хотела, чтобы ее еще раз подняли и позволили взглянуть в окно. Она заставила колеса кентуки повернуться в одну сторону, потом в другую, потом несколько раз крутанула головой – очень быстро.

“Можешь звать меня Евой”, – сказала девушка.

Она поставила кентуки на пол и пошла на кухню. Открыла холодильник, какие-то шкафчики и стала готовить себе еду.

“Надеюсь, тебе понравилась лежанка, которую я купила специально для тебя, толстушка моя”.

Какое-то время Эмилия не двигала кентуки, он просто стоял и смотрел на Еву, а самой ей хотелось повнимательнее обследовать контроллер. “Пусть Ева еще раз поднимет меня! – мысленно просила она. – Пусть поднимет!” Но Эмилия не знала, как вступить с ней в разговор. Неужели в роли крольчихи она способна только слышать? Каким же образом, черт возьми, можно заставить этих зверюшек говорить? Да, теперь у нее появились конкретные вопросы к сыну. Если нельзя задать их Еве, она снова позвонит в Гонконг и узнает все у него. Пора ему наконец почувствовать хоть каплю ответственности за те вещи, которые он посылает матери.

Уже через несколько дней Эмилия выяснила, что попала в Эрфурт, во всяком случае, с большой долей вероятности теперь можно было утверждать, что ее кентуки обитает в небольшом городе под названием Эрфурт. Во-первых, на

стенке холодильника висел календарь с такой надписью, во-вторых, на кухне на полу целыми днями валялись пакеты, принесенные из супермаркета “Альди – Эрфурт”, а также из “Моей эрфуртской аптеки”. Эмилия погуглила и нашла, что единственными туристическими достопримечательностями Эрфурта были мост XIII века и монастырь, где когда-то давно случилось побывать Мартину Лютеру. Эрфурт находился в центре Германии, в четырехстах километрах от Мюнхена – единственного немецкого города, который на самом деле Эмилии хотелось увидеть.

Вот уже почти неделю она по два часа в день разгуливала по квартире Евы. И рассказала об этом своим подругам, с которыми каждый четверг ходила после бассейна в кафе. Глория долго не могла понять, о каком таком “кентуки” талдычит им Эмилия, но как только поняла, сразу решила, что непременно и себе тоже купит такую игрушку, чтобы было чем заняться в те дни, когда ей выпадет сидеть с внуком. А вот Инес пришла в ужас. Она поклялась, что, если Глория купит этот прибор, больше никогда и ни за что не переступит порога ее дома. Главным образом Инес интересовало следующее – и она несколько раз повторила свой вопрос, постукивая указательным пальцем по столу: какие меры примет правительство для контроля за новым изобретением, поскольку слепо полагаться на здравый смысл публики ни в коем случае нельзя. Позволить кентуки разгуливать по твоему дому – это все равно что вручить ключи от него совершенно незнакомому человеку.

– Кроме того, я все-таки не могу понять, – заявила Инес, решив поставить точку в их споре, – почему бы тебе не завести себе мужчину, вместо того чтобы ползать по полу в чужой квартире?

Да, Инес могла ляпнуть что угодно, и порой Эмилия с трудом находила извинения для ее выходок. Вот и сейчас, уже вернувшись домой, она продолжала мусолить в голове слова подруги, пока выжимала и вешала сушить мокрое после бассейна полотенце. Если бы не Глория, решила она, их дружба с Инес и дня бы не продержалась.

К концу недели Эмилия установила для себя новый распорядок. Помыв посуду, она заваривала чай и всегда в одно и то же время подключалась к квартире Евы. Эмилии показалось, что и Ева начала привыкать к довольно позднему, но пунктуальному пробуждению своего кентуки. Он бодрствовал с шести до девяти вечера по немецкому времени и все эти три часа крутился рядом с девушкой, а Эмилия внимательно наблюдала за происходящим. Но вот наступила суббота, и,

когда Эмилия разбудила кентуки, Евы дома не оказалось, зато к ножке стула в нескольких сантиметрах от пола была прикреплена записка. Эмилиии пришлось переснять ее с большого экрана на свой мобильник, чтобы потом по буквам разобрать, о чем там шла речь, и она очень обрадовалась, поняв, что записка адресована именно ей:

Пупсик мой, я ушла в супер. Это ненадолго, полчасака, не больше. Я мигом. Твоя Ева.

Эмилиии хотелось бы иметь у себя оригинал записки, чтобы повесить на холодильник, потому что, хотя текст и был написан по-немецки, к тому же чем-то розовым и блестящим, ее очаровал наклонный почерк девушки, и вообще, все это было похоже на изящную весточку, полученную из-за границы от дальнего родственника или подруги.

Девушка купила своей крольчихе собачью игрушку, но так как Эмилия никак на нее не реагировала, Ева часто выкладывала рядом с кентуки какие-нибудь другие предметы, чтобы проверить, не заинтересует ли ее любимицу хотя бы один из них. Был, например, тряпичный мячик, который Ева подкатывала к ней, был маленький мышонок из меха, но Эмилия так и не угадала истинного его предназначения. И хотя ей была приятна такая забота, на самом деле куда занятнее было просто рассматривать то, что имелось в квартире. Она старалась не упустить момент, когда Ева на кухне раскладывала по полкам покупки, или наблюдала, как та открывала дверцы гардероба, стоявшего напротив кровати. Рассматривала дюжины пар туфель, когда Ева собиралась куда-нибудь пойти. Если что-то вызывало у нее особенный интерес, она крутилась вокруг Евы и верещала. Тогда девушка на несколько минут опускала вожделенный предмет на пол. Так, скажем, случилось с массажером для стоп. Ничего подобного увидеть или купить в Лиме было просто невозможно. Как обидно, что сын будет и дальше посылать ей в подарок духи и кроссовки, в то время как она была бы счастлива получить такую вот нужную вещь. А еще она попискивала, прося, чтобы Ева подняла ее или вытащила из лежанки. Однажды Эмилия у себя в Лиме пошла в супермаркет за овсяным печеньем и, найдя нужную полку пустой, беззвучно заверещала, но сразу же смутилась и попыталась понять, с чего это ей пришло в голову изображать из себя крольчиху в совсем не подходящем для того месте. И тут она увидела в проходе одну из своих соседок – старую, хромую, унылую. Та шла, что-то ворча себе под нос, и этого оказалось достаточно, чтобы

Эмилия сразу же почувствовала себя увереннее. Может, конечно, я и сошла с ума, но, по крайней мере, не отстаю от современного мира, подумала она. У нее теперь было целых две жизни, а это гораздо лучше, чем иметь только половину и при этом еле передвигать ноги. Может, конечно, в Эрфурте она ведет себя смешно – ну и пусть, ведь там ее все равно никто не видит, зато в обмен она получает море любви.

Ужинала девушка примерно в половине восьмого и заодно смотрела новости по телевизору. Она брала свою тарелку, банку пива и садилась на диван, потом поднимала кентуки и устраивала рядом с собой. Утонув среди подушек, Эмилия почти не могла двинуться с места, зато сколько угодно крутила головой и любовалась на небо за окном, а также с более близкого расстояния рассматривала Еву: из какой ткани была сшита ее одежда, какой макияж она наложила себе на лицо, какие на ней были браслеты и кольца... А еще Эмилия видела экран телевизора и следила за европейскими новостями. Правда, ни слова не понимала, автоматический же переводчик реагировал только на голос Евы, но и картинок было достаточно, чтобы составить представление о происходящем и сравнить с собственными сведениями, особенно если учесть, что в Перу мало кто интересовался событиями в Германии. Не раз она говорила что-то на эту тему, встречаясь с подругами, или в супермаркете, но быстро поняла, что владела исключительной информацией, а люди из ее района, как правило, ни о чем таком и понятия не имели.

Раз в два дня, примерно без четверти девять, девушка одевалась, совала в маленькую сумочку немного денег и телефон и оставляла крольчиху одну. Но, прежде чем погасить свет, относила ее на лежанку. Эмилия знала, что, попав туда, выбраться уже вряд ли сумеет, поэтому иногда пыталась убежать и не давалась девушке в руки, суетливо носилась по комнате или пряталась под стол.

“Ну, хватит, хватит, толстушка моя, я уже и так опаздываю!” – говорила Ева. Порой она даже немного сердилась, но чаще смеялась, стараясь поймать крольчиху.

Когда Эмилия рассказала об этом сыну, он встревожился:

– Подожди, подожди, насколько я понял, ты целыми днями не отходишь от нее, а отправляясь куда-то, девушка относит тебя на лежанку?

Во время этого разговора Эмилия находилась в супермаркете. Тон сына ее напугал. Она остановилась со своей тележкой, прижала телефон к уху и спросила:

– Я что-то делаю не так?

– Но это значит, мама, что ты не можешь вовремя подзарядиться!

Она не очень поняла, о чем толкует сын, однако ей нравилось, что, с тех пор как у нее появился кентуки, стоило послать мальчику эсэмэску с вопросами, или с описанием своих достижений, или с комментарием по поводу поведения девушки, как он тотчас отвечал. Эмилия пока толком не решила для себя, знал ли он заранее, что, подарив матери кентуки, станет к ней ближе. А может, такой подарок принес ему самому больше проблем, чем он рассчитывал?

– Мама, если ты не будешь каждый день заряжаться, аккумулятор сядет, понимаешь?

Нет, она не понимала. Да и что, собственно, она должна была понять?

– Если аккумулятор полностью разрядится, связь между пользователями будет прервана навсегда – и тогда прощай, Ева!

– Как это “прощай, Ева”? А разве нельзя будет включиться снова?

– Нет, и это называется “запрограммированное выключение”.

– “Запрограммированное выключение”...

Она повторила слова сына, стоя в отделе консервов, и служащий, раскладывая товар, посмотрел на нее с недоумением. Сын опять принялся объяснять, только говорил теперь гораздо громче, словно проблема была в том, что в первый раз Эмилия плохо его слышала. Поняв наконец, в чем тут проблема, она растерянно призналась, что вот уже целую неделю кентуки не подзаряжался. Сын облегченно вздохнул:

– Ну, значит, она сама ставит тебя на зарядку. И слава богу.

Эмилия раздумывала над его словами, пока ждала своей очереди у кассы. Выходит, когда она покидала своего кентуки на лежанке до следующего дня и сама тоже отправлялась в постель, девушка доставала его, ставила на зарядное устройство, а потом, убедившись, что аккумулятор полностью заряжен, снова относила на лежанку. Эмилия достала пакет с персиками, который оказался под банками горошка, и положила сверху – чтобы фрукты не помялись. Вот ведь как получается: на другом краю света кто-то заботится о ней. Эмилия улыбнулась и спрятала телефон. Вот это и есть настоящая забота.

* * *

“Моссен Синто” был не просто каким-то там рядовым пансионом для пожилых людей, он был одним из самых лучших заведений в Вила-де-Грасиа, к тому же отлично обустроенным. В нем имелось пять беговых дорожек, две гидромассажные ванны и собственный аппарат ЭКГ. Оплатив ремонт спортивного зала, Камило Байгорриа подумывал, не пустить ли деньги, оставшиеся от выделенных на этот год средств, на развлекательные цели. Он угробил сорок семь лет своей жизни, управляя этим заведением и стараясь добиться, чтобы наступили наконец такие вот, как эти последние, месяцы благополучия и процветания, и теперь ощущал потребность в чем-то совсем другом, в чем-то таком, что родственники пациентов сразу же заметят во время своих посещений и потом будут обсуждать целую неделю. Мысль о кентуки подкинула ему старшая медсестра Эйдер. Поначалу ей казалось, что уговорить Камило будет трудно, но он и сам уже кое-что знал про них, так как сын племянника сумел накопить денег и купил себе такую забаву. Своим умом Камило никогда бы не додумался до этого, но тут решил рискнуть и приобрести кентуки для их пансиона. Он поблагодарил Эйдер за подсказку, и они немедленно заказали двух кентуки-кроликов. Эйдер собственноручно сшила для каждого кролика маленькую синюю шапочку с козырьком, двумя отверстиями для ушей и логотипом их заведения на лбу.

Они подключали обоих кентуки одновременно – после завтрака в большой гостиной. У первого, под номером K0092466, на установление контакта ушло два часа двадцать семь минут, у второго, K0092487, три часа две минуты. По всему миру уже существовало триста семьдесят восемь серверов, занятых установкой связи, и тем не менее эти серверы не справлялись со всевозрастающей нагрузкой: на установление первоначальной конфигурации требовалось все больше и больше времени.

Когда оба кентуки подали наконец признаки жизни, кое-кто из стариков отважился подойти к ним поближе. Кролики бегали по всему залу, и обитатели пансиона с трудом, но поднимали ноги, чтобы дать им дорогу, словно в комнате кто-то решил позапускать игрушечные фрикционные машинки, которые не умеют обходить препятствия. Минут через десять один кентуки остановился у самого большого окна и замер. Он отключился сам по себе, и Эйдер долго растолковывала Камило, что тут вряд ли можно что-то поправить. Насколько она знала, если один из пары пользователей решал “выйти из игры”, оживить зверька было уже невозможно.

– Как ты считаешь, он поступил так, ну, то есть отключился, из-за наших стариков?

Эйдер об этом как-то не подумала. Ей бы никогда и в голову не пришло, что теперь при покупке нового электроприбора надо не только тщательно изучать инструкцию, но еще и озаботиться тем, сочтет ли он достойным для себя жить с тобой вместе. Да и кто бы мог вообразить, стоя в супермаркете перед полками с товаром, что приглянувшийся тебе вентилятор вдруг закапризничает и не пожелает направлять струю свежего воздуха в сторону несчастного отца семейства, который спокойно сидит себе перед телевизором?

– Скажи, а ты не боишься, что мы можем лишиться и второго? – с тревогой спросил Камило, взяв ее под локоток.

Эйдер уставилась на него. Впервые она заметила, что Камило стал таким же старым, как и пациенты, о которых он заботится, и только теперь поняла весь ужас, таившийся в его вопросе. Рядом с ними пожилой мужчина поднял кентуки с пола, чтобы как следует рассмотреть. Он заговорил с ним, поднеся почти к самому лицу, и у кролика сразу запотели глаза-камеры. Старик хотел опустить его обратно, но не сумел нагнуться и, вскрикнув от боли, выронил игрушку из рук, так что кентуки со стуком шлепнулся и покотился по полу. Эйдер подбежала к кролику, поставила, как положено, на колесики и старалась уже не оставлять его одного, пока он сновал между столами. В первую очередь она следила, чтобы на кентуки никто больше не покушался. Потом позволила кролику выйти в сад, примыкавший к дому.

– Эйдер, – услышала она за спиной голос Камило.

Она хотела обернуться, но тут заметила старушку, которая бежала за кентуки, а за старушкой бежал санитар, пытавшийся ее остановить. И вдруг кролик неожиданно резво, как показалось Эйдер, повернул в сторону маленького прудика с рыбками, расположенного в самом центре двора. Что он задумал? Эйдер недолго думая собралась кинуться туда же, но Камило остановил ее. Не сбавляя скорости, кролик сиганул в бассейн. Старушка вскрикнула и тоже прыгнула в воду, санитар бросился за ней.

- Эйдер, - спросил Камило, снова дернув ее за локоть, - ты уверена, что мы ничего не сможем вернуть? Совсем-совсем ничего?

О чем это он? О деньгах?

А там, за окном, санитар с трудом усаживал старушку на бортик бассейна. С нее ручьями стекала вода, она плакала и тянула руки в ту сторону, где в нескольких метрах от них медленно шел ко дну кентуки.

* * *

Она по-прежнему каждое утро совершала пробежки. Через два месяца, если вернется в Мендосу, сможет, по крайней мере, сказать, что тоже занималась спортом. Не о таких достижениях она, разумеется, мечтала, но ничего лучшего придумать не сумела. Правда, нашла все-таки еще чем себя занять. Рядом имелась библиотека, так что у Алины уже давно не было возможности читать столько, сколько она читала здесь. А кроме того, конечно, кентуки... Нельзя было не признать, что кентуки - вещь занятная.

Когда Свен увидел его в первый раз, он просто остолбенел и не сводил глаз с ворона, а ворон в свою очередь смотрел на него с пола. Они с таким любопытством разглядывали друг друга, что Алина чуть не расхохоталась. Свен был высоким белобрысым датчанином, но у себя в Мендосе ей приходилось опекать его как пятнадцатилетнюю девочку. Он был наивным и слишком вежливым, поэтому его постоянно надували и обкрадывали, а еще над ним насмехались. Зато, когда он находился в любой из арт-резиденций, окруженный коллегами и заботой какой-нибудь энергичной помощницы, Свен казался Алине принцем, ускользящим у нее из рук. Но ревность, которую Алина испытывала теперь в Оахаке, была лишь слабым отзвуком той, что терзала ее в прошлом году, в первые месяцы после начала их со Свеном романа. Но какое-то время

назад ее страдания переродились в нечто совсем иное. Прежде Алина страшно мучилась, и взгляд ее был сосредоточен исключительно на нем, теперь же, наоборот, она стала часто на что-то отвлекаться, а Свен словно выпадал из поля ее зрения, и ревность была для нее единственным способом время от времени возвращаться к нему мыслями. Кроме того, Алина узнала то новое состояние, в которое ей так нравилось погружаться, – вдруг обнаружились некие вещи, касавшиеся исключительно ее одной. Она запиралась в комнате, все внимание целиком отдавала этапам своих мысленных марафонов – и лишь много часов спустя вспоминала о реальности.

Возвращалась она в нее “разобранная на отдельные частички”, как ей самой нравилось это определять, зато в результате усталость притупляла самые идиотские из ее страхов. А еще она возвращалась в нее, в эту самую реальность, очищенная и беспечная, и в подобном состоянии человек способен мечтать о таких простых удовольствиях, как легкая еда и долгие прогулки пешком.

Но рано или поздно Алина снова видела Свена и тотчас вспоминала, что ее жизнь состоит из мелочей, которые в любой миг можно потерять, – таких как, например, очаровательная улыбка Свена, рассматривавшего кентуки. Алина заранее успела прикинуть, какого рода вопросы касательно ее приобретения он сейчас задаст, и мысленно прорепетировала свои ответы, готовясь дать достойный отпор, если речь пойдет о цене, о бесполезности такой покупки и о том, что вряд ли стоит настолько откровенно демонстрировать кому-то свою личную жизнь, – хотя, как она предвидела, это последнее замечание он прибережет на потом. Между тем Свен был искренне изумлен и, присев на корточки, чтобы лучше разглядеть кентуки, задал вопрос, которого Алина никак не ожидала:

– Ну и как мы его назовем?

Кентуки обернулся и уставился на нее.

– Сандерс, – сказала Алина. – Полковник Сандерс[1 - Полковник Сандерс (Харланд Дэвид Сандерс; 1890–1980) – американский ресторатор, основатель сети ресторанов быстрого питания Kentucky Fried Chicken (“Жареный цыпленок из Кентукки”, KFC).].

Глупость, конечно, но довольно остроумная. И еще она тотчас спросила себя, откуда у нее уверенность, что на связи с ней находится непременно мужчина. Однако было совершенно немыслимо дать ворону женское имя.

- Ты что, имеешь в виду того старика, который придумал "цыпленка из Кентукки"?

Алина кивнула, да, именно того старика. Свен поднял ворона, и тот недовольно заворчал, когда он перевернул его и они с Алиной стали рассматривать колеса и то, как были прикреплены маленькие крылышки.

- И на сколько же ему хватает зарядки?

Алина не имела об этом ни малейшего понятия.

- Как ты думаешь, он может пойти с нами ужинать? - спросил Свен и вернул ворона на пол.

Было бы занятно проверить это. В поселке Виста-Эрмоса не было ничего даже близко похожего на приличный ресторан, вернее, не было вообще ничего похожего на ресторан. Некоторые местные женщины - Алина со Свенем побывали уже у трех - выносили в патио у своего дома пластмассовые столы, застилали их скатертью, ставили корзинки с тортильями и предлагали меню из двух-трех блюд. Их мужья обычно ели за одним из тех же столов - чаще за тем, что находился поближе к телевизору. Иногда мужчины дремали, не выпуская из руки стакан с пивом или рюмку с мескалем. Идти до любого из "ресторанов" было не больше километра, и, по мнению Свена, если аккумулятор у кентуки устроен так же, как у мобильного телефона, ворон может без проблем отправиться с ними. А вот Алина боялась, как бы по дороге не пропал сигнал. Она хорошо усвоила, что у каждого кентуки есть одна-единственная жизнь, но не знала наверняка, означает ли потеря только лишь сигнала одновременно и безвозвратную потерю связи со вторым пользователем.

Они вышли в патио. Кентуки следовал за ними, отставая на несколько метров, и они внимательно прислушивались к шуму его моторчика где-то сзади, у себя за спиной. Алина подумала: приятно сознавать, что, пока они вдвоем неспешно шагают по дорожке, кто-то другой изо всех сил старается не потерять их из виду. Она забыла про очередную помощницу Свена и почувствовала себя

уверенно, потом взяла его за руку, а он ее руку нежно и слегка рассеянно пожал. Когда они покинули территорию арт-резиденции и оказались на асфальте, ворону стало труднее поспевать за парой. Они слышали, что ему приходится петлять, обходя валявшийся на дороге мусор, слышали, что потом он прибавляет ходу, чтобы догнать их. Вдруг по звуку стало понятно, что он остановился. Алина со Свеном обернулись. Кентуки стоял метрах в десяти от них и не сводил глаз с горы. Однако они не поняли, был ли он все еще здесь, с ними, и просто решил полюбоваться мексиканской природой под лучами закатного солнца, или какая-то техническая поломка внезапно убила его и на этом закончилась их совместная с ним жизнь. Алина тотчас вспомнила про 279 долларов, но тут кентуки тронулся с места, с важным видом обошел Свена и направился к Алине.

– Эй, что вы там задумали? – притворно возмутился Свен. – Куда это вы собрались идти с моей женой, Полковник?

Ужин прошел прекрасно. Они ели курицу с рисом под соусом моле. Кентуки все это время стоял на столе. Как только Свен отвлекался, ворон подталкивал его вилку к краю стола и быстро сбрасывал на землю. А поскольку падала вилка бесшумно, Свен машинально искал ее рукой там, где оставил. И не сердился, когда видел, что его опять провели. На самом деле ничто в обычном мире не могло вывести художника из себя, потому что вся его энергия целиком и полностью была обращена на вещи и явления высшего порядка. Алина завидовала невозмутимости, с какой Свен делал со своей жизнью исключительно то, что ему самому хотелось. Он упорно шагал вперед, а она неуверенно тянулась по оставленному им следу, все время боясь этот след потерять. Утренние пробежки, чтение, кентуки, любые ее планы – все было подчинено воле случая. Когда Полковник в четвертый раз скинул вилку Свена, Алина не могла больше сдерживаться и расхохоталась. Кентуки посмотрел на нее, она подмигнула ему, и тогда он каркнул, как и положено ворону, – в первый раз за весь вечер.

– Если вы, Полковник, подружился с моей женой, – улыбнулся Свен, снова наклоняясь за вилкой, – то должны дружить и со мной тоже.

На следующий день Алина зашла навестить Кармен, женщину, работавшую в библиотеке. Других подруг – если, конечно, Кармен можно было назвать подругой – у Алины в арт-резиденции не было. Они болтали, шутили и в душе радовались, почувствовав доверие друг к другу. Алина уже рассказывала

Кармен про своего кентуки и теперь спустилась в библиотеку, чтобы наконец-то еще и показать его. Она постучала по конторке, за которой обычно сидела Кармен, давая о себе знать, потом оставила Полковника гулять среди бумаг, а сама прошла вдоль ряда стеллажей с прозой и стала наблюдать оттуда, что будет дальше. Кармен увидела ворона и подошла. Она всегда одевалась только в черное, а запястья ее украшали браслеты с заклепками. Подняв ворона, Кармен перевернула его и внимательно изучила основание, потом провела пальцами между колесиками.

– Знаешь, по качеству этот вроде бы будет лучше моих, – сказала она, не повышая голоса, словно с самого начала знала, что Алина шпионит за ней.

Та вернулась с двумя wybranными книгами.

– Хотела бы я знать, зачем нужна вот эта штучка у него на попке, – весело спросила Кармен и поскребла покрытыми лаком ногтями USB-порт, спрятанный у кентуки под задним колесиком.

Потом она поставила ворона на конторку, и он поспешил к Алине.

Кармен рассказала, что меньше месяца назад ее бывший муж подарил каждому из их сыновей по кентуки, но сама она с тех пор уже не раз видела и более усовершенствованные версии.

– Мой бывший называет их распространение по свету экспоненциальным: если в первую неделю появляется три штуки, то во вторую – уже три тысячи.

– И тебя это не пугает?

– Что именно?

Кармен сделала шаг в сторону и, оказавшись за спиной ворона, изобразила, будто завязывает себе глаза. Потом достала из сумки кошелек и показала Алине фотографию, где были запечатлены два ее сына со своим кентуки – с двумя рыжими котами, которых мальчишки везли в велосипедных корзинках. Глаза у котов были завязаны черными лентами. Таково было единственное условие, которое Кармен поставила отцу ребят, так как боялась, что все это он задумал

специально, чтобы по ее дому днем и ночью сновали две камеры.

Алина долго смотрела на фотографию:

– Но скажи, кому захочется разгуливать по твоему дому с завязанными глазами? В чем тут смысл?

– Понимаешь, – стала объяснять Кармен, – у них два чувства, а я лишаяю их только одного, но жизнь для наших кентуки продолжается. Хотя... Точно так же ведут себя и люди, дорогая моя. Вот посмотри, у них под боком есть отличная библиотека, и что? – Кармен махнула рукой в сторону пустых проходов между стеллажами.

Потом Кармен забрала у Алины фотографию, по очереди поцеловала сыновей и положила снимок обратно в кошелек.

– А вчера одного кентуки раздавила машина на дороге рядом со стоянкой такси, – продолжала она, записывая в карточку книги, которые собиралась взять Алина. – Это была игрушка приятеля моих сыновей, и его матери пришлось похоронить кентуки у себя в саду среди собачьих могил.

Ворон повернулся в сторону Кармен, и Алине захотелось узнать, способен ли Полковник понять эту историю.

– Ужасное несчастье, мальчишка страшно переживает. – Кармен улыбнулась. И трудно было догадаться, что на самом деле думает она сама о том, что рассказывает. – А ведь эти штуковины чертовски дорого стоят.

– И что, интересно знать, делал кентуки один на улице? – поинтересовалась Алина.

Кармен с изумлением уставилась на нее – наверное, потому что самой ей такой вопрос в голову не пришел.

– Думаешь, решил удрать? – спросила она, продолжая глядеть Алине прямо в глаза и улыбаясь с каким-то даже восторгом.

Когда Алина вернулась в свою комнату, она поставила кентуки на пол и пошла в ванную. Чуть помедлив, сочла за лучшее все-таки запереть дверь, чтобы ворон не пролез туда следом за ней, что, кстати, он постоянно пытался сделать. Алина постояла за дверью, пока не услышала, что Полковник Сандерс удалился. И только тогда разделась и встала под душ. Она совершенно правильно поступила, решив не завязывать со своим кентуки каких бы то ни было отношений. Все, что она узнавала про них, убеждало: только так и надо себя с ними вести. Алина не обменивалась с вороном посланиями или хотя бы записками, не договаривалась о каком-либо ином способе общения, ее кентуки был всего лишь глуповатой и скучной зверюшкой, поэтому Алина порой и вовсе забывала, что Полковник Сандерс вечно находится где-то здесь, рядом, что в глаза его встроена камера и какой-то человек неотрывно в эту камеру смотрит.

Так своим чередом проходили дни. Ее будильник звонил в шесть двадцать утра. Ни один художник не стал бы бродить по дому в такую рань, и Свена вряд ли разбудила бы даже пожарная сирена. А вот Алина и сегодня тоже спокойно встала и, прежде чем отправиться на пробежку, спустилась вниз в общую кухню, позавтракала, никого там, естественно, не встретив, и еще успела почитать прихваченную с собой книгу. Налив себе вторую чашку кофе, она съехала на край стула и устроилась там поустойчивей: выпрямила спину, вытянула ноги и развела ступни в стороны в форме буквы V. Это была ее коронная поза, и, сидя так, она могла читать часами. Полковник Сандерс решил пролезть между ее стопами – он изо всех своих сил толкал то одну, то другую, пока наконец не добился своего. Время от времени Алина опускала книгу и задавала ему какой-нибудь вопрос – только чтобы узнать, не покинул ли ее хотя бы на время тот человек, который управлял вороном, кем бы он там ни был. Может, отвлекся или занялся каким-нибудь более полезным делом? Сама мысль о том, что кто-то часами сидит и неотрывно наблюдает за ней, пугала Алину, зато второй вариант показался бы обидным. Разве ее жизнь недостаточно интересна? Неужели для этого человека – кем бы он там ни был – собственная жизнь настолько важнее, чем Алинина, что он мог вот так запросто отлучиться и оставить ворона без надзора? Нет, решила она, в последнем случае кентуки не стоял бы сейчас, в шесть пятьдесят утра, у нее в ногах как домашняя собачка.

– Хочешь узнать, что произошло на странице сто тридцать девятой?

Полковник Сандерс почти всегда был рядом – и в полной боевой готовности. Но даже когда ворон верещал или от нетерпения взмахивал маленькими крылышками, прилепленными у него по бокам, Алина не считала нужным

отвечать на ею же самой заданные вопросы. В половине восьмого она поднялась к себе в комнату, отнесла туда кентуки и отправилась на пробежку. За церковь Алина свернула с главной улицы. Она уже знала дорогу, где не было домов, тянущуюся через засеянные поля и плавно спускающуюся к более лесистым местам. С каждым разом Алина забегала все дальше. И с каждым разом ощущала в себе все больше сил. Бег не делал ее ни умнее, ни глупее, зато кровь совсем иначе неслась по жилам, а еще сильно стучало в висках. Все вокруг менялось, и как только она проветривала себе мозги, они вдруг начинали с бешеной скоростью выстреливать идеями. Свен уходил в мастерскую еще до возвращения Алины. Она принимала душ, надевала что-нибудь поудобнее и медленно ела свои мандарины, улегшись на кровать пузом кверху. А Полковник Сандерс беспокойно метался по полу, кружил вокруг кровати и напоминал карикатуру на хищную птицу.

Накануне того дня, когда Алина познакомила Свена с Полковником Сандерсом, она долго думала, слишком долго думала. А потом среди ночи, часа в три, поднялась, вынесла стул в патио и в полной темноте сидела и курила, повернувшись лицом к горе. Казалось, ей вот-вот что-то откроется, она хорошо знала это свое состояние, а радостное возбуждение в предчувствии важного события уже само по себе служило вознаграждением за проведенные без сна часы.

Итак, в то утро, вернувшись после пробежки и устроившись на кровати со своими мандаринами, она продолжала прокручивать в голове все ту же тему, чувствуя, что с каждым мигмом ближе и ближе подходит к некоему открытию. Алина внимательно посмотрела на потолок и подумала: если бы ей надо было выстроить события в нужном порядке, чтобы понять, на пороге какого именно открытия она стоит, пришлось бы вспомнить один факт, о котором вот уже несколько дней она старалась не думать. На прошлой неделе Алина пошла в магазин, расположенный рядом с церковью, – а это был единственный магазин в поселке, – и ненароком увидела то, что предпочла бы не видеть. То, как Свен что-то объяснял некой девушке. То, с какой нежностью он пытался это что-то ей втолковать, и как близко друг к другу они стояли, и как друг другу улыбались. Алина только потом узнала, что с ним была его новая помощница. Тогда сцена не удивила ее и не показалась важной, поскольку одновременно куда более глубокое открытие завладело всем ее вниманием. Ничто не трогало Алину сейчас настолько, чтобы подтолкнуть к каким-либо движениям. Тело каждой своей клеточкой спрашивало: а зачем? Это нельзя было объяснить ни усталостью, ни депрессией, ни нехваткой витаминов. Это было похоже на безразличие, однако выглядело все-таки куда более эмоционально окрашенным.

Лежа в кровати, Алина положила шкурки от мандаринов на ладонь, и это простое действие приблизило ее еще к одному открытию. Если Свен знал все на свете, если художник – это поденщик, работающий без отдыха, и каждый миг отпущенного ему времени надо считать шагом к исполнению неотвратимой судьбы, то она, Алина, представляла собой нечто совершенно противоположное. Полярную точку в сообществе людей, живущих на нашей планете. Она была нехудожницей. Никем и ничем, ни для кого и никогда – или что-то в таком вот роде. Она противилась любому типу определенности. Само тело вмешивалось и диктовало ей, как себя вести в тех или иных обстоятельствах, спасая от рискованных поступков и мешая чего-нибудь достичь. Она сжала в кулаке мандариновые шкурки. Теперь оранжевые полоски ощущались как плотная и прохладная масса. Потом Алина скользнула рукой по простыне и сунула шкурки под подушку Свена.

* * *

Наконец-то у Грегора появилась великая идея. Он назвал ее “План Б” и вложил в этот план свои последние деньги – свои и отцовские, если то, что еще оставалось у отца, можно было назвать деньгами. Грегор был уверен, что “План Б” вытащит его из полосы неудач и даст шанс снова всплыть на поверхность. В эту историю он ввязался две недели назад, но у него было такое ощущение, будто работа только-только начинает набирать обороты. Он сказал отцу, что пообедает позднее, и прикрыл дверь в свою комнату. Если дело пойдет на лад, он очень скоро сможет купить отцу кентуки – для старика такая игрушка наверняка станет хорошей компанией, будет его развлекать и даже напоминать, что пора принимать лекарство. Кто знает, возможно, от него действительно будет большая польза. Грегор глянул на календарь, висевший на стене над письменным столом. Меньше чем через два месяца перестанут поступать деньги по страховке. Когда отец захочет заплатить за йогурт своей кредитной картой, аппарат картушку выплюнет, и Грегору придется открыть отцу правду. Так что “План Б” просто обязан стать успешным.

Экран планшета известил, что устройство K1969115 уже отыскало свой IP-адрес, и теперь запрашивал серийный номер. Камера включилась, и Грегору пришлось немедленно пригасить звук. Там, куда он попал, праздновали день рождения, и шестилетний мальчишка схватил кентуки и принялся трясти его и колотить им по полу. Сейчас маленькому негодяю это надоест, подумал Грегор, хотя уже не раз сталкивался со всякого рода неожиданностями. Например, иногда

проданному кентуки никак не удавалось наладить отношения именно с тем, кому он предназначался, и его брал под свою опеку кто-нибудь другой из членов семьи. Так было с тем кентуки, который первоначально включился в Кейптауне, в Южной Африке, и его “хозяйкой” стала лежавшая в больнице женщина. Но через несколько дней она умерла, и ее дочь повезла кентуки на самолете в Новую Зеландию, положив в салоне на верхнюю полку. Она решила подарить кентуки племяннику. Его поселили на ферме, расположенной в окрестностях Окленда, в сарае, где на его зарядное устройство порой усаживались свиньи, и ему нередко приходилось лупить их по толстым задницам, чтобы они наконец соблаговолили подняться. Да, судьба кентуки могла перемениться и таким вот непредсказуемым образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Полковник Сандерс (Харланд Дэвид Сандерс; 1890–1980) – американский ресторатор, основатель сети ресторанов быстрого питания Kentucky Fried Chicken (“Жареный цыпленок из Кентукки”, KFC).

Купить: https://tn.knigapoisk.com/shveblin_samanta/kentuki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)